

ГУ БЕР МАН

**Закатные
гарики**

Игорь Губерман

Закатные гарики (сборник)

«ЭКСМО»

Губерман И. М.

Закатные гарики (сборник) / И. М. Губерман — «Эксмо»,

В сборник вошли стихотворения известного поэта Игоря Губермана.

© Губерман И. М.

© Эксмо

Содержание

Закатные гарики	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Игорь Губерман

Закатные гарики

*Что я люблю? Курить, лежать,
в туманных нежиться томлениях
и вяло мыслями бежать
во всех возможных направлениях.*

В оформлении книги использованы наскальные рисунки древних евреев

Закатные гарики

Ушли и сгнули стремления,
остыл азарт грешить и каяться,
тепло прижизненного тления
по мне течет и растекается.

1

Уже вот-вот к моим ногам
подвалит ворох ассигнаций,
ибо дерьмо во сне – к деньгам,
а мне большие гавны снятся.

2

К похмелью, лихому и голому,
душевный пришел инвалид,
потрогал с утра свою голову:
пустая, однако болит.

3

Я не искал чинов и званий,
но очень часто, слава Богу,
тоску несбывшихся желаний
менял на сбывшихся изжогу.

4

Вчера взяла меня депрессия,
напав, как тать, из-за угла;
завесы серые развесила
и мысли черные зажгла.
А я не гнал мерзавку подлую,
я весь сиял, ее маня,
и с разобиженной мордою
она покинула меня.

5

Слежу без испуга и дрожи
российских событий пунктир:
свобода играет, как дрожжи,
подкинутые в сортир.

6

Когда остыл душевный жар,
а ты еще живешь зачем-то,
то жизнь напоминает жанр,
который досуха исчерпан.

7

Я в зеркале вчера себя увидел
и кратко побеседовал с собой;
остался каждый в тягостной обиде,
что пакостно кривляется другой.
8

Это был не роман, это был поебок,
было нежно, тепло, молчаливо,
и, оттуда катясь, говорил колобок:
до свиданья, спасибо, счастливо.
9

На любое идейное знамя,
даже лютым соблазном томим,
я смотрю недоверчиво, зная,
сколько мрази ютится под ним.
10

Когда бы сам собой смывался грим
и пудра заготовленных прикрас,
то многое, что мы боготворим,
ужасно опечалило бы нас.
11

Надежды огненный отвар
в душе кипит и пламенеет:
еврей, имеющий товар,
бодрей того, кто не имеет.
12

Уже мы в гулянии пылком
участие примем едва ли,
другие садятся к бутылкам,
которые мы открывали.
13

Еврей опасен за пределом
занятий, силы отнимающих;
когда еврей не занят делом,
он занят счастьем окружающих.
14

Казенные письма давно
я рву, ни секунды не трата:
они ведь меня все равно
потом наебут в результате.
15

Вижу лица или слышу голоса —

вспоминаются сибирские леса,
где встречались ядовитые грибы —
я грущу от их несбывшейся судьбы.
16

Мне слов ни найти, ни украсть,
и выразишь ими едва ли
еврейскую темную страсть
к тем землям, где нас убивали.
17

Покуда мы свои выводим трели,
нас давит и коверкает судьба,
поэтому душа – нежней свирели,
а пьешь – как водосточная труба.
18

Зачем-то в каждое прощание,
где рвется тесной связи нить,
мы лживо вносим обещание
живую память сохранить.
19

Я искренне люблю цивилизацию
и все ее прощаю непотребства
за свет, автомобиль, канализацию
и противозачаточные средства.
20

Я даже мельком невзначай
обет мой давний не нарушу,
не выплесну мою печаль
в чужую душу.
21

Мы столько по жизни мотались,
что вспомнишь – и каплет слеза;
из органов секса остались
у нас уже только глаза.
22

Нам не светит благодать
с ленью, отдыхом и песнями:
детям надо помогать
до ухода их на пенсии.
23

Не знаю блаженней той
тягостной муки,

когда вдоль души по оврагу
теснятся какие-то темные звуки
и просятся лечь на бумагу.
24

Когда наплывающий мрак
нам путь предвещает превратный,
опасен не круглый дурак,
а умник опасен квадратный.
25

Есть люди – пламенно и бурно
добро спешат они творить,
но почему-то пахнут дурно
их бескорыстие и прыть.
26

Высок успех и звучно имя,
мои черты теперь суровы,
лицо значительно, как вымя
у отелившейся коровы.
27

Не сдули ветры и года
ни прыть мою, ни стать,
и кое-где я хоть куда,
но где – устал искать.
28

Всюду ткут в уюте спален
новых жизней гобелен,
только мрачен и печален
чуждый чарам чахлый член.
29

Заметь, Господь, что я не охал
и не швырял проклятий камни,
когда Ты так меня мудохал,
что стыдно было за Тебя мне.
30

Вольно ли, невольно ли,
но не столько нация,
как полуподпольная
мы организация.
31

А жалко мне, что я не генерал
с душою, как незыблемый гранит,
я столько бы сражений проиграл,
что стал бы легендарно знаменит.

32

В одной ученой мысли ловкой
открылась мне блаженства бездна:
спиртное малой дозировкой —
в любых количествах полезно.

33

О помощи свыше не стоит молиться
в едва только начатом деле:
лишь там соучаствует Божья десница,
где ты уже сам на пределе.

34

Здесь я напьюсь; тут мой ночлег;
и так мне сладок дух свободы,
как будто, стряхивая снег,
вошли мои былые годы.

35

На старости я сызнава живу,
блаженствуя во взлетах и падениях,
но жалко, что уже не наяву,
а в бурных и бесплотных сновидениях.

36

Из века в век растет размах
болезней разума и духа,
и даже в Божьих закромах
какой-то гарью пахнет глухо.

37

Уже порой не вмоготу
мне мерзость бытия,
как будто Божью наготу
преступно вижу я.

38

Сегодня многие хотят
беседовать со мной,
они хвалой меня копят,
как окорок свиной.
39

А все же я себе союзник
и вечно буду таковым,
поскольку сам себе союзник
по всем распискам долговым.
40

Чувствуя страсть, устремляйся вперед
с полной и жаркой душевной отдачей;
верно заметил российский народ:
даже вода не течет под лежащий.
41

Жалеть, а не судить я дал зарок,
жестока жизнь, как римский Колизей;
и Сталина мне жаль: за краткий срок
жену он потерял и всех друзей.
42

Покрыто минувшее пылью и мглой,
и, грустно чадая сигаретой,
тоскует какашка, что в жизни былой
была ресторанной котлетой.
43

Ругая жизнь за скоротечность,
со мной живут в лохмотьях пестрых
две девки – праздность и беспечность,
моей души родные сестры.
44

На старости я, не таясь,
живу, как хочу и умею,
и даже любовную связь
я по переписке имею.
45

Забавно мне, что жизни кладь
нам неизменно
и тяжкий крест и благодать
одновременно.
46

Опыт наш – отнюдь не крупность
истин, мыслей и итогов,
а всего лишь совокупность
ран, ушибов и ожогов.
47

Окажется рощей цветущей
ущелье меж адом и раем,
но только в той жизни грядущей
мы близких уже не узнаем.
48

С высот палящего соблазна
спадая в сон и пустоту,
по эту сторону оргазма
душа иная, чем по ту.
49

Все муки творчества – обман,
а пыл – навеян и вторичен,
стихи диктует некто нам,
поскольку сам – косноязычен.
50

В России часто пью сейчас
я с тем, кто крут и лих,
но дай Господь в мой смертный час
не видеть лица их.
51

Еще мне внятен жизни шум
и штоф любезен вислобокий;
пока поверхностен мой ум
еще старик я не глубокий.
52

Хмельные от праведной страсти,
крутые в решеньях кромешных,
святые, дорвавшись до власти,
намного опаснее грешных.
53

Слава Богу, что я уже старый,
и погасло бывшее пылание,
и во мне переборы гитары
вызывают лишь выпить желание.
54

Вел себя придурком я везде,

но за мной фортуна попевала,
вилами писал я на воде,
и вода немедля застывала.
55

На Страшный суд разборки ради
эпоху выкликнув мою,
Бог молча с нами рядом сядет
на подсудимую скамью.
56

Мне жалко, что Бог допускает
нелепый в расчетах просчет,
и жизнь из меня утекает
быстрее, чем время течет.
57

Что с изречения возьмешь,
если в него всмотреться строже?
Мысль изреченная есть ложь...
Но значит, эта мысль – тоже.
58

Увы, но время скоротечно,
и кто распутство хаял грозно,
потом одумался, конечно,
однако было слишком поздно.
59

Весь век себе твержу я: цыц и никшни,
сиди повсюду с края и молчи;
духовность, обнаженная излишне,
смешна, как недержание мочи.
60

Наверно, так понур я от того,
что многого достиг в конце концов,
не зная, что у счастья моего
усталое и тусклое лицо.
61

Вон те – ознобно вожделяют,
а тех – терзает мира сложность;
меня ласкают и лелеют
мои никчемность и ничтожность.
62

Для игры во все искусства
мой народ на свет родил

много гениев и множество
несусветных талмудил.
63

Таким родился я, по счастью,
и внукам гены передам —
я однолюб: с единой страстью
любил я всех попутных дам.
64

Я старый, больной и неловкий,
но знают гурманки слияния,
что в нашей усталой сноровке
еще до хера обаяния.
65

Я не выйду в гордость нации
и в кумиры на стене,
но напишут диссертации
сто болванов обо мне.
66

О чем-то срочная забота
нас вечно точит и печет,
и нужно нам еще чего-то,
а все, что есть, — уже не в счет.
67

Любезен буду долго я народу,
поскольку так нечаянно случилось,
что я воспел российскую природу,
которая в еврея насочилась.
68

По многим ездил я местам,
и понял я не без печали:
евреев любят только там,
где их ни разу не встречали.
69

Я хоть и вырос на вершок,
но не дорос до Льва Толстого,

поскольку денежный мешок
милее мне мешка пустого.
70

Мы сразу правду обнаружим,
едва лишь зорко поглядим:
в семье мужик сегодня нужен,
однако не необходим.
71

Висит над нами всеми безотлучно
небесная чувствительная сфера,
и как только внизу благополучно,
Бог тут же вызывает Люцифера.
72

Обида, презрение, жалость,
захваченность гиблой игрой...
Для всех нас Россия осталась
сияющей черной дырой.
73

Не знаю, чья в тоске моей вина;
в окне застыла плоская луна;
и кажется, что правит мирозданием
лицо, не замутненное сознанием.
74

Бог задумал так, что без нажима
движется поток идей и мнений:
скука – и причина, и пружина
всех на белом свете изменений.
75

Любовных поз на самом деле
гораздо меньше, чем иных,
но благодарно в нашем теле
спит память именно о них.
76

Мне вдыхать легко и весело
гнусных мыслей мерзкий чад,
мне шедевры мракобесия
тихо ангелы сочат.
77

Увы, великодушная гуманность,
которая над нами зыбко реет,
похожа на небесную туманность,

которая слезится, но не греет.
78

Попал мой дух по мере роста
под иудейское влияние,
и я в субботу пью не просто,
а совершаю возлияние.
79

Унылый день тянулся длинно,
пока не вылезла луна;
зачем душе страдать безвинно,
когда ей хочется вина?
80

Хотя политики навряд
имеют навык театральный,
но все так сочно говорят,
как будто секс творят оральный.
81

Мне в жизни крупно пофартило
найти свою нору и кочку,
и я не трусь в толпе актива,
а выживаю в одиночку.
82

У Бога сладкой жизни не просил
ни разу я, и первой из забот
была всегда попытка в меру сил
добавить перец-соль в любой компот.
83

Владеющие очень непростой
сноровкой в понимании окружи
евреи даже вечной мерзлотой
умеют торговать на жарком юге.
84

Увы, стихи мои и проза,
плоды раздумий и волнений —
лишь некий вид и сорт навоза
для духа новых поколений.
85

Плеться по трясине семейного долга
и в каше варясь бытовой,
жена у еврея болеет так долго,
что стать успевает вдовой.

86

Кошмарным сном я был разбужен,
у бытия тряслась основа:
жена готовила нам ужин,
а в доме не было спиртного.

87

Когда мне о престижной шепчут встрече
с лицом, известным всюду и везде,
то я досадно занят в этот вечер,
хотя еще не знаю, чем и где.

88

Порою я впадаю в бедность,
что вредно духу моему;
Творец оплачивает вредность,
но как – известно лишь Ему.

89

Наше стадо поневоле
(ибо яростно и молодо)
так вытаптывает поле,
что на нем умрет от голода.

90

Пришла прекрасная пора
явиться мудрости примером,
и стало мыслей до хера,
поскольку бросил мыслить хером.

91

Таланту чтобы дать распространенность,
Творец наш поступил, как искуситель,
поэтому чем выше одаренность,
тем более еблив ее носитель.

92

Я часто многих злю вокруг,
живя меж них не в общем стиле;
наверно, мне публичный пук
намного легче бы простили.

93

Глазея пристально и праздно,
я очень странствовать люблю,
но вижу мир ясней гораздо,
когда я в комнате дремлю.

94

По чувству, что долгом повязан,
я понял, что я уже стар,
и смерти я платой обязан
за жизни непрошенный дар.
95

Пора уже налить под разговор,
селедку покромсавши на куски,
а после грянет песню хриплый хор,
и грусть моя удавится с тоски.
96

Пишу я вздор и ахинею,
херню и чушь ума отпетого,
но что поделаешь – имею
я удовольствие от этого.
97

Меж земной двуногой живности
всюду, где ни посмотри,
нас еврейский ген активности
в жопу колет изнутри.
98

Дикая игра воображения
попусту кипит порой во мне —
бурная, как семяизвержение
дряхлого отшельника во сне.
99

Жить беззаботно и оплошно —
как раз и значит жить роскошно.
100

Я к потрясению основ
причастен в качестве придурка:
от безоглядно вольных слов
с основ слетает штукатурка.
101

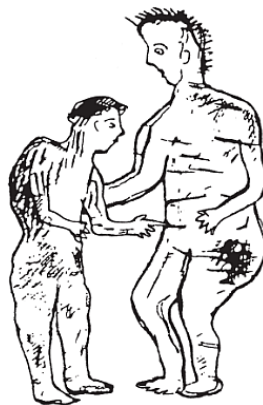
Мне не интересно, что случится
в будущем, туманном и молчащем;
будущее светит и лучится
тем, кому херово в настоящем.
102

Когда текла игра без правил
и липкий страх по ветру стлался,

то уважать тогда заставил
я сам себя – и жив остался.
103

Я ценю по самой высшей категории
философию народного нутра,
но не стал бы относить к ветрам истории
испускаемые обществом ветра.
104

Трагедия пряма и неуклончива,
однако, до поры таясь во мраке,
она всегда невнятно и настойчиво
являет нам какие-нибудь знаки.
105

Я всегда на сочувствия праздные
отвечаю: мы судеб игралище,
не влагайте персты в мои язвы,
ибо язвы мои – не влагалище.
106

Я жизнь мою листаю с умилением
и счастлив, как клинический дебил:
весь век я то с азартом, то с томлением
кого-нибудь и что-нибудь любил.
107

Блаженны нищие ленивцы,
они живут в самих себе,
пока несчастные счастливы
елозят задом по судьбе.
108

Вдоль организма дряхлость чуя,
с разгулом я все так же дружен;
жить осмотрительно хочу я,
но я теперь и вижу хуже.

109

Я к эпохе привернут, как маятник,
в нас биение пульса единое;
глупо, если поставят мне памятник —
не люблю я дерьмо голубиное.

110

Ты с ранних лет в карьерном раже
спешил бежать из круга нашего;
теперь ты сморщен, вял и важен —
как жопа дряхлого фельдмаршала.

111

В пустыне усталого духа,
как в дремлющем жерле вулкана,
все тихо, и немо, и глухо —
до первых глотков из стакана.

112

Уже виски спалила проседь,
уже опасно пить без просыпа,
но стоит резко это бросить,
и сразу явится курносая.

113

Любил я днем под шум трамвая
залечь в каком-нибудь углу,
дичок еврейский прививая
к великорусскому стволу.

114

Глаза мои видели, слышали уши,
я чувствовал даже детали подробные:
больные, гнилые, увечные души —
гуляли, калеча себе неподобные.

115

Жизни надвигающийся вечер
я приму без горечи и слез;
даже со своим народом встречу
я почти спокойно перенес.

116

Российские невзгоды и мытарства
и прочие подробности неволи
с годами превращаются в лекарство,
врачующее нам любые боли.

117

Был организм его злосчастно
погублен собственной особой:
глотал бедняга слишком часто
слюну, отравленную злобой.
118

Я под солнцем жизни жарюсь,
я в чаду любви томлюсь,
а когда совсем состарюсь —
выну хер и заколюсь.
119

Житейскую расхлебывая муть,
так жалобно мы стонем и пыхтим,
что Бог нас посылает отдохнуть
быстрее, чем мы этого хотим.
120

Затаись и не дыши,
если в нервах зуд:
это мысли из души
к разуму ползут.
121

Когда я крепко наберусь
и пьяным занят разговором,
в моей душе святая Русь
горланит песни под забором.
122

Кипит и булькает во мне
идей и мыслей тьма,
и часть из них еще в уме,
а часть – сошла с ума.
123

Столько стало хитрых технологий —
множество чудес доступно им,
только самый жалкий и убогий
хер живой пока незаменим.
124

Если на душе моей тревога,
я ее умею понимать:
это мировая синагога
тайно призывает не дремать.
125

Я знаю, зрителя смеша,
что кратковременна потеха,
и ощутит его душа
в осадке горечь после смеха.
126

По жизни я не зря гулял,
и зло воспел я, и добро,
Творец не зря употреблял
меня как писчее перо.
127

Мы вдосталь в жизни испытали
и потрясений, и пинков,
но я не про закалку стали,
а про сохранность чугунков.
Еще судьба не раз ударит,
однако тих и одинок,
еще блаженствует и варит
мой беззаветный чугунок.
128

Давным-давно хочу сказать я
ханжам и мнительным эстетам,
что баба, падая в объятья,
душой возносится при этом.
129

Прекрасна в еврее лихая повадка
с эпохой кишеть наравне,
но страсть у еврея – устройство порядка
в чужой для еврея стране.
130

С людьми я вижусь редко и формально,
судьба несет меня по тихим водам;
какое это счастье – минимально
общаться со своим родным народом!
131

Создателя крутая гениальность
заметнее всего из наблюдения,
что жизни объективная реальность
дается лишь путем грехопадения.
132

Хоть запоздало, но не поздно
России дали ожить,
и все, что насмерть не замерзло,

пошло цвести и плесневеть.
133

Я слишком, ласточка, устал
от нежной устной канители,
я для ухаживанья стар —
поговорим уже в постели.
134

Одно я в жизни знаю точно:
что плоть растянется пластом,
и сразу вслед начнется то, что
Творец назначил на потом.
135

Вечерняя тревога – как недуг:
неясное предчувствие беды,
какой-то полустрах-полуиспуг,
минувшего ожившие следы.
136

Прорехи жизни сам я штопал
и не жалел ни сил, ни рук,
судьба меня скрутила в штопор,
и я с тех пор бутылке друг.
137

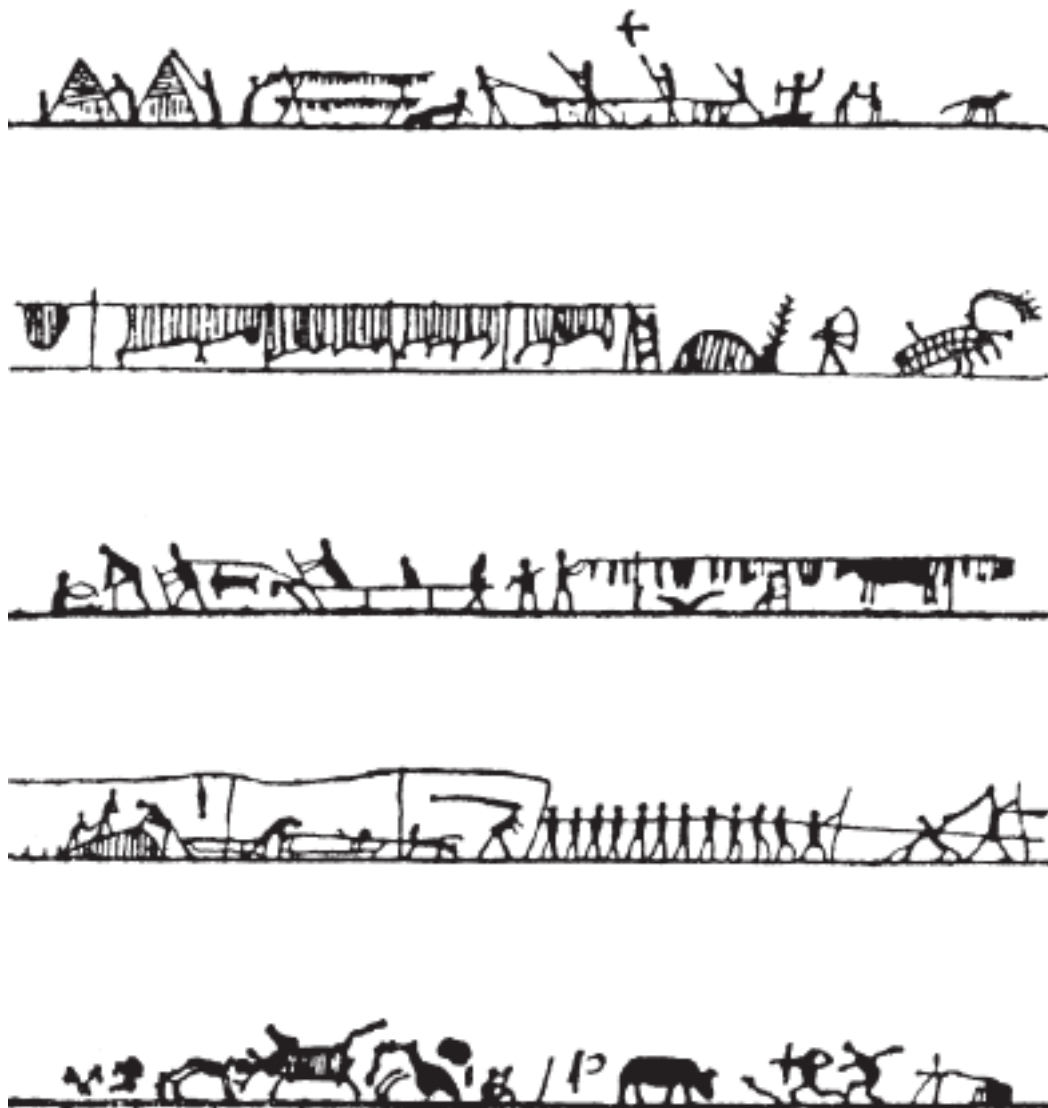
Много высокой страсти
варится в русском пиве,
а на вершине власти —
ебля слепых в крапиве.
138

Создан был из почти ничего
этот мир, где светло и печально,
и в попытках улучшить его
обреченность видна изначально.
139

Я по жизни бреду наобум,
потеряв любопытство к дороге;
об осколки возвышенных дум
больно ранятся чуткие ноги.
140

В периоды удач и постижений,
которые заметны и слышны,
все случаи потерь и унижений
становятся забавны и смешны.

141

При всей игре разнообразия
фигур ее калейдоскопа,
Россия все же не Евразия,
она скорее Азиопа.

142

Любовь завяла в час урочный,
и ныне я смиренно рад,
что мне остался беспорочный
гастрономический разврат.

143

Всего лишь семь есть нот у гаммы,
зато звучат не одинаково;
вот точно так у юной дамы
есть много разного и всякого.

144

Я шамкаю, гундосю, шепелявлю,
я шаркаю, стенаю и кряхчу,
однако бытие упрямо славлю
и жить еще отчаянно хочу.
145

Политики раскат любой грозы
умеют расписать легко и тонко,
учитывая все, кроме слезы
невинного случайного ребенка.
146

России теперь не до смеха,
в ней жуткий прогноз подтверждается:
чем больше евреев уехало,
тем больше евреев рождается.
147

Я часто угадать могу заранее,
куда плывет беседа по течению;
душевное взаимопонимание —
прелюдия к телесному влечению.
148

Разуму то холодно, то жарко
всюду перед выбором естественным,
где душеспасительно и ярко
дьявольское выглядит божественным.
149

Нам разный в жизни жребий роздан,
отсюда – разная игра:
я из вульгарной глины создан,
а ты – из тонкого ребра.
150

Сегодня думал я всю ночь,
издав к утру догадки стон:
Бог любит бедных, но помочь
умножить ноль не может Он.
151

Поскольку много дураков
хотят читать мой бред,
ни дня без тупости – таков
мой жизненный обет.
152

Жаль Бога мне: святому духу

тоскливо жить без никого;
завел бы Он себе старуху,
но нету ребер у Него.
153

Когда кому-то что-то лгу,
таким азартом я палим,
что сам угнаться не могу
за изолжением моим.
154

Творец живет не в отдалении,
а близко видя наши лица;
Он гибнет в каждом поколении
и в каждом заново рождается.
155

На нас эпоха ставит опыты,
меняя наше состояние,
и наших душ пустые хлопоты —
ее пустое достояние.
156

Полностью раскрыты для подлога
в поисках душевного оплота,
мы себе легко находим Бога
в идолах высокого полета.
157

Только полный дурак забывает,
испуская похмельные вздохи,
что вино из души вымывает
ядовитые шлаки эпохи.
158

От мерзости дня непогожего
настолько в душе беспросветно,
что хочется плюнуть в прохожего,
но страшно, что плюнет ответно.
159

Я много повидал за жизнь мою,
к тому же любопытен я, как дети;
чем больше я о людях узнаю,
тем более мне страшно жить на свете.
160

Все в этой жизни так заверчено
и так у Бога на учете,

что кто глядел на мир доверчиво —
удачно жил в конечном счете.
161

На все глядит он опечаленно
и склонен к мерзким обобщениям;
бедняга был зачат нечаянно
и со взаимным отвращением.
162

Если хлынут, пришпоря коней,
вновь монголы в чужое пространство,
то, конечно, крещеный еврей
легче всех перейдет в мусульманство.
163

Я достиг уже сумерек вечера
и доволен его скоротечностью,
ибо старость моя обеспечена
только шалой и утлой беспечностью.
164

К чему усилий окаянство?
На что года мои потрачены?
У Божьих смыслов есть пространство,
его расширить мы назначены.
165

Льются ливни во тьме кромешной,
а в журчании – звук рыдания:
это с горечью безутешной
плачет Бог над судьбой создания.
166

Себя из разных книг салатом
сегодня тешил я не зря,
и над лысеющим закатом
взошла кудрявая заря.
167

К нам тянутся бабы сейчас
уже не на шум и веселье,
а слыша, как булькает в нас
любви приворотное зелье.
168

За то, что теплюсь легким смехом
и духом чист, как пилигрим,
у дам я пользуюсь успехом,

любя воспользоваться им.
169

Та прорва, бездонность, пучина,
что ждет нас распахнутой пастью,
и есть основная причина
прожития жизни со страстью.
170

В любом пиру под шум и гам
ушедших помяни;
они хотя незримы нам,
но видят нас они.
171

Есть у меня один изъян,
и нет ему прощения:
в часы, когда не сильно пьян,
я трезв до отвращения.
172

Мы с рожденья до могилы
ощущаем жизни сладость,
а источник нашей силы —
это к бабам наша слабость.
173

Женился на красавице
смиранный Божий раб,
и сразу стало нравиться
гораздо больше баб.
174

Твой разум изощрен, любезный друг,
и к тонкой философии ты склонен,
но дух твоих мыслительных потуг
тяжел и очень мало благовонен.
175

Листая календарь летящих будней,
окрашивая быт и бытие,
с годами все шумней и многолюдней
глухое одиночество мое.
176

Нелепо – жить в незрячей вере
к понявшим все наверняка;
Бог поощряет в равной мере
и мудреца, и мудака.

177

Друзья мои, кто первый среди нас?
Я в лица ваши вглядываюсь грустно:
уже недалеко урочный час,
когда на чьем-то месте станет пусто.

178

Нам потому так хорошо,
что, полный к жизни интереса,
грядущий хам давно пришел
и дарит нам дары прогресса.

179

Когда растет раздора завязь,
то, не храбрый из мужчин,
я ухажу в себя, спасаясь
от выяснения причин.

180

Людей обычно самых лучших,
людей, огнем Творца прогретых,
я находил меж лиц заблудших,
погрязших, падших и отпетых.

181

Боюсь бывать я на природе,
ее вовек бы я не знал,
там мысли в голову приходят,
которых вовсе я не звал.

182

Я б не думал о цели и смысле,
только часто мое самочувствие
слишком явно зависит от мысли,
что мое не напрасно присутствие.

183

Явил Господь жестокий произвол
и сотни поколений огорчил,
когда на свет еврея произвел

и жить со всеми вместе поручил.
184

Ничуть не больно и не стыдно
за годы лени и гульбы:
в конце судьбы прозрачно видно
существование судьбы.
185

Нас боль ушибов обязала
являть смекалку и талант;
где бабка надвое сказала,
там есть и третий вариант.
186

Потоки слов терзают ухо,
как эскадрилья злобных мух;
беда, что недоросли духа
так обожают мыслить вслух.
187

Со всеми гибнуть заодно —
слегка вторичная отвага;
но и не каждому дано
блаженство личностного шага.
188

Везде, где можно стать бойцом,
везде, где бесятся народы,
еврей с обрезанным концом
идет в крестовые походы.
189

Не по воле несчастного случая,
а по времени — чаша выпита —
нас постигла беда неминуемая:
лебедой поросло наше либидо.
190

Нечто круто с возрастом увяло,
словно исчерпался некий ген:
очень любопытства стало мало
и душа не просит перемен.
191

Весна — это любовный аромат
и страсти необузданный разлив;
мужчина в большинстве своем женат,
поэтому поспешлив и пуглив.

192

Я к веку относился неспроста
с живым, но отчужденным интересом:
состарившись, душа моя чиста,
как озеро, забытое прогрессом.

193

Жизнь моя как ни была ключом,
как шампанским ни пенилась в пятницу,
а тоска непонятно о чем
мне шершавую пела невнятицу.

194

Споры о зерне в литературе —
горы словоблудной чепухи,
ибо из семян ума и дури
равные восходят лопухи.

195

Давно по миру льются стоны,
что круче, жарче и бодрей
еврей штурмует бастионы,
когда в них есть другой еврей.

196

Судьба не зря за годом год
меня толчет в житейской ступке:
у человека от невзгод
и мысли выше, и поступки.

197

Переживет наш мир беспечный
любой кошмар как чепуху,
пока огонь пылает вечный
у человечества в паху.

198

Подонки, мразь и забулдыги,
мерзавцы, суки и скоты
читали в детстве те же книги,
что прочитали я и ты.

199

До точки знает тот,
идуший нам на смену,
откуда что растет
и что в какую цену.

200

Недолго нас кошмар терзает,
что оборвется бытие:
с приходом смерти исчезает
боль ожидания ее.
201

Мы в очень различной манере
семейную носим узду,
на нас можно ездить в той мере,
в которой мы терпим узду.
202

В устоях жизни твердокамен,
семью и дом любя взахлеб,
мужик хотя и моногамен,
однако жуткий полиеб.
203

С тоской копаясь в тексте сраном,
его судить самодержавен,
я многим жалким графоманам
бывал сиятельный Державин.
204

Наш разум тесно связан с телом,
и в том немало есть печали:
про то, что раньше ночью делал,
теперь я думаю ночами.
205

Неволю ощущая, словно плен,
я полностью растратил пыл удалый,
и общества свободного я член
теперь уже потрепанный и вялый.
206

Пришли ко мне, покой нарушив,
раздумий тягостные муки:
а вдруг по смерти наши души
на небе мрут от смертной скуки?
207

Вся планета сейчас нам видна:
мы в гармонии неги и лени
обсуждаем за рюмкой вина
соль и суть мимолетных явлений.
208

В зоопарке под вопли детей
укрепилось мое убеждение,
что мартышки глядят на людей,
обсуждая свое вырождение.
209

А то, что в среду я отверг,
неся гневливую невнятицу,
то с радостью приму в четверг,
чтобы жалеть об этом в пятницу.
210

На пороге вечной ночи
коротая вечер темный,
что-то все еще бормочет
бедный разум неумный.
211

Разумов парящих и рабочих
нету ни святее, ни безбожней,
наши дураки – тупее прочих,
наши идиоты – безнадежней.
212

Что я люблю? Курить, лежать,
в туманных нежиться томлениях
и вяло мыслями бежать
во всех возможных направлениях.
213

Блаженство алкогольного затмения
неведомо жрецам ума и знания,
мы пьем от колебаний и сомнения,
от горестной тоски непонимания.
214

Дается близость только с теми
из городов и площадей,
где бродят призраки и тени
хранимых памятью людей.
215

И хотя уже видна
мне речушка Лета,
голова моя полна
мусора и света.
216

Бывают лампы в сотни ватт,
но свет их резок и увечен,
а кто слегка мудаковат,
порой на редкость человечен.
217

Не только от нервов и стужи
болезни и хворости множатся:
здоровье становится хуже,
когда о здоровье тревожатся.
218

Был некто когда-то и где-то,
кто был уже мною тогда;
слова то хулы, то привета
я слышу в себе иногда.
219

Не слишком я азартный был игрок,
имея даже козыри в руках,
ни разу я зато не пренебрег
возможностью остаться в дураках.
220

Сегодня исчез во мраке
еще один, с кем не скучно;
в отличие от собаки
я выл по нему беззвучно.
221

Конечно, всем вокруг наверняка
досадно, что еврей, пока живой,
дорогу из любого тупика
находит хитрожопой головой.

222

Ворует власть, ворует челядь,
вор любит вора укорять;
в Россию можно смело верить,
но ей опасно доверять.

223

Чтобы душа была чиста,
жить не греша совсем не тупо,
но жизнь становится пуста,
как детектив, где нету труп.

224

Хотя неволя миновала,
однако мы – ее творение;
стихия зла нам даровала
высокомерное смирение.

225

Тонко и точно продумана этика
всякого крупного кровопролития:
чистые руки – у теоретика,
чистая совесть – у исполнителя.

226

Не помню мест, не помню лиц,
в тетради века промелькнувшего
размылись тысячи страниц
неповторимого минувшего.

227

В силу душевной структуры,
дышащей тихо, но внятно,
лучшие в жизни халтуры
делались мною бесплатно.

228

Взывая к моему уму и духу,
все встречные, галдя и гомоня,
раскидывают мне свою чернуху,
спасти меня надеясь от меня.

229

Судить подробней не берусь,
но стало мне теперь видней:
евреи так поили Русь,
что сами спились вместе с ней.

230

Пусты потуги сторожей
быть зорче, строже и внимательней:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.